Сергей ЧЕРНОВ

Осень, или Вольное переосмысление законов природы

Циклы. Циклы правят миром…

* * *

Ярошенко затушил сигарету, втоптав её в грязные доски крыльца.

– Эй! – крикнул кто-то. – В сторону!

Он прижался к перилам.

Двое мужчин вынесли из дома носилки. На носилках… да… тело, труп. Нечто бесформенное, прикрытое занавеской. Из-под занавески, начиная от щиколотки, торчали ноги – толстые, опухшие, восково-жёлтого цвета. На левой – рваный тапок, вот-вот соскочит.

– Куда? – спросил несший спереди. Лицо его покрывала густая щетина, и морщины были на нём точно заросшие овраги.

– В машину, умник.

Кучка зевак, стоявшая у забора, зашевелилась. Некоторые о чём-то перешёптывались. Некоторые вытирали сухие глаза. Бородатый мужчина в джинсовой куртке кашлянул и громко заметил: «Опять чернеет! На дождь!».

Ярошенко всё стоял, прижимаясь к перилам, как самоубийца на мосту. На небе и впрямь собирались тучи. Похолодало. Изо рта вырывались бледные клубочки пара.

Из полутьмы коридора появился участковый – низенький, с дряблыми щеками. Круги под глазами, как годовые кольца, указывали на возраст, переведённый в количество выкуренных сигарет. Он тяжело дышал – будто издыхающая псина. Как знал Ярошенко, он дышал так всегда.

– Ну?

– Ножевых – тринадцать штук, – сообщил участковый низким голосом (Жданов – так, кажется, его звали). – И живот вспорот… – сдавленно, точно тошнота подступила к горлу.

– Знаю! Кто она? Чем занималась и почему?.. Зверство!

– Её тут каждый… Гнала! И как! Всё село травилось.

– И ты? – Для Ярошенко, в общем-то, было всё равно… Эта головная боль!.. Третий день одна и та же, будто голову сдавили в тисках. И насморк…

– Ещё чего! Лучше заплатить дороже…

Ярошенко, массируя виски, оторвался от перил.

– По паспорту: Крылова Анна Леоновна, тысяча девятьсот тридцать второго… («Как страшно, – подумал Ярошенко. – Как страшно, когда у кучи изрубленного мяса, которую только что пронесли мимо, есть имя, фамилия») Детей нет. Прописана: улица Столовая, 95…

– За самогон… Или за деньги… Алкаши, черт бы их! Что украли? Деньги?

Жданов топтался с ноги на ногу; смотрел куда-то мимо, на полупустую, заросшую сухим бурьяном улицу.

Ярошенко проследил за направлением его взгляда. Тело давно погрузили в «буханку». Человек с небритым лицом возился с задними дверьми. Остальные курили. Соседи разошлись, лишь перед калиткой стояла женщина с заплаканным лицом. Первое… действительно первое взволнованное лицо и единственные настоящие слёзы. Сад был янтарно-жёлтым от опавших листьев. Две кривые груши казались чем-то мерзким, противоестественным в этом саду.

– Ну? Деньги?

– Мы не нашли. Если и были – немного. Она не работала. Пенсия – сами знаете… Самогон не брали последнее время. Теперь «палёнку» и в ларьке купить можно, из-под полы. Дешевле… Родственников нет.

Ярошенко спустился на пару ступенек, оглядел дом. Ветхое строение – чёрные, как земляная корка, доски с пятнами синей краски. Железная крыша. Покосившиеся рамы. Фундамент? Дом, казалось, врос в землю. Жильё для тех, кто никому не нужен. И тех, кому никто не нужен.

– Да и не грабили её… – совсем тихо сказал Жданов, подходя к Ярошенко.

– Да?

Казалось, участковому стало трудно говорить. Он открывал рот и тут же, морщась, закрывал его. Лоб прорезали глубокие морщины.

– Ну? – вяло поторопил Ярошенко. Голова болит. «Аспирину бы… В аптечке поискать?».

– М-м-м… В общем… К ней не ходил никто… в последнее время. И она… Характер у неё был! Обматерить могла… В луже крови – след. И вещи разбросаны. Как разбросаны? В ящиках не рылись. Стол опрокинут, телевизор разбит. Натоптали – следы эти, кровавые, по всему дому. Вода в ведре красная – видно, руки мыли. У них одежда в крови должна быть… Отпечатки должны быть…

«Акт ещё!.. Какой из меня работник сегодня? Акт составлять…».

Ярошенко махнул рукой:

– Пока криминалист… Пока пальчики снимут. Пока то, сё… Сличать с кем? Всё село обкатывать?

– Найдем с кем. Свидетель есть.

Глаза Ярошенко расширились. Он удержал себя, чтоб не ткнуть кулаком в грудь Жданову.

– И ты молчишь! – Следователь почувствовал, как волна боли прокатилась по черепу. Он смягчил тон: – В твоих же интересах… Кто свидетель? Где?

Жданов показал рукой.

Та самая женщина. Красное болоньевое пальто. Заплаканное лицо. Что-то кавказское, нос с горбинкой. На верхней губе – тёмный пушок, почти усы. На вид лет сорок… Ярошенко знал, что должен подойти, допросить, «Явитесь такого-то, такого…». Но остался на месте. Пускай Жданов занимается. Дебильное преступление… И благодарности не заработаешь. Кому это надо? Кому вообще эта бабка нужна? Бомжи… Будто дел у нас мало. С Ершовым поговорить надо. «Глухарь»… Тошнит уже от работы. И голова… Погода сопливая. Машину надо бы отремонтировать, поворотник что-то… Кто труп нашёл, интересно? За горло его взять! Или свидетеля этого.

– Она… Она видела… Это дети сделали. Пять человек. Лет по пятнадцать-четырнадцать. Девушка с ними – тоже школьница. Одеты хорошо. Корову загоняла, смотрит: идут. Темно было, но она ясно видела… Они дорогу под ногами… из телефонов… и друг на друга светили. Говорит, серьёзные были. Один только смеялся. И – к дому прямиком… Вошли не стучась. Дверь толкнули и вошли.

Ярошенко чувствовал… пустоту. Ведь правда: след в луже крови где-то тридцать девятого размера. Дети! Не первый случай… И хотя по долгу службы Ярошенко должен был сомневаться, но – не мог. Он видел своими глазами кровь и вспоротый живот. Он ещё не знал всех составляющих, но опыт, опыт!.. Невиданная жестокость! Когда он стоял над телом, нечто внутри его черепной коробке твердило: «Не всё так просто. Не всё! И ты знаешь это!». Верно – Крылову не грабили. Её убивали! Чтоб… чтоб показать свою силу. Потому что для них это было «круто»… Потому что она никому не была нужна. Всем на неё наплевать… Четырнадцать-пятнадцать лет! Это похоже на правду… О Боже, это и есть правда!.. Школьники! Тринадцать ножевых и вспоротый живот…

– Ей интересно стало. Сами знаете этих баб… Соседка – вон её дом. Корову загнала – и к калитке. Стояла, глядела… Окна грязные. Да и криков вроде не было… громких. Пацаны там долго торчали… Эту Крылову не любил никто.

Несмотря на холод, Ярошенко пробил пот. Господи, что творится…

– Милицию вызвала утром. У неё сын больной. Да и корову доить надо.

– Так она *это… видела*? – Следователь не узнал собственный голос. Он обернулся, поискал глазами женщину с заплаканным лицом. Но её уже не было. И почему? Какое право она имела плакать?

«Нет, – понял Ярошенко. – Она плакала не по соседке. Человеческая чёрствость не позволяет плакать по другим. У неё хватило ума понять, что, может быть, когда-нибудь – через неделю, месяц, год, когда она никому не будет нужна, – кто-то придёт и к ней. Те же пять человек. Те же школьники. Хорошо одетые школьники».

Ярошенко перевёл взгляд на Жданова и только сейчас заметил, как *мертво* его лицо. Кожа была до отвращения дряблой. Схвати за неё, потяни – она сползёт куском жёлтой тряпки. В глазах – чудовищная усталость. Усталость от мира. Усталость от собственного существования.

– Так она *видела*… Она *знает, кто*… – голос Ярошенко был подобен скрипу ржавых петель.

– Ну да, – с удивлением. – У одного… у отца… три магазина. У другого…

– Где они?! Почему не задержал?! – Ярошенко сорвался на крик. Люди у «буханки» побросали дела и с любопытством смотрели в их сторону, точно глядели милицейский сериал.

– Знаете что! – резко сказал Жданов. – Вы, Геннадий Павлович, из района. Вы уедете. А мне здесь жить! Не моё это дело – за пацанами бегать. Кому нужна эта бабка? Мне лет немало. Я не хочу! Понимаете, не хочу, чтоб каждый встречный-поперечный тыкал мне в спину: «А, это он упрятал наших детей за решётку! Он упрятал моего сына в тюрягу!». Это ваша работа! Поймаете вы этих сопляков или нет – ничего не изменится. А если я приложу руку – каждый будет тыкать мне в спину…

Ярошенко уже не слышал. Новая волна боли оглушила мозг. Он закрыл глаза. Боль, как цунами, наткнулась на берега рассудка, смела города сочувствия, ярости, интереса… Интереса к этому делу. К этой никчемной старухе. К этим детям. Один раз они пришли. Может, больше они не придут? Когда что-то касается детей, любимых богатыми отцами… «С терроризмом надо бороться!». С терроризмом!.. Волна отхлынула, оставив лишь пену безразличия.

Он открыл глаза. Жданов стоял к нему спиной и курил. Серое облачко табачного дыма висело над его головой прогнившим нимбом.

– Геннадий Палыч! – Это был Славик, водитель. – Поедем, а? Криминалиста не будет. Сообщил только что – грипп.

Славик улыбался. Он всегда улыбался. Казалось, ничто не могло сбить улыбку с его лица.

– Сейчас… Слушай, кто это? – Следователь показал на людей, что ещё тёрлись около «буханки».

– Работнички, блин, – ответил Жданов. – Ждут, что вы им нальёте…

– Разгони их к чёртовой матери! Иначе я их рядом с бабкой, на носилки…

Он посмотрел на небо. Чёрные тучи. Солнце казалось бледным размытым пятном. Становилось темно. И тихо. Он отчётливо слышал, как в груди бьётся сердце, точно резиновый мячик стучит по асфальту: бом-бом, бом-бом. Как хорошо! И головная боль прошла. Помимо воли Ярошенко сделал пару шагов, переступил через порог и оказался в тёмном коридоре. В коридоре дома, в котором была убита Крылова Анна Леоновна, тридцать второго года рождения. Убита? Сверху скажут: «Геннадий Ярошенко, не могли бы вы?..». Вот так…

Было темно, но глаза привыкли: открытая дверь давала тусклый свет. По левую руку два красных газовых баллона. По правую – плитка, сковородки, банки. Ярошенко ощутил запах. Запах человеческих отходов. Он прикрыл нос рукой. Почему он не чувствовал его раньше?

«Кровь! Так пахнет кровь! – Для этой мысли не было причин, но он не мог думать иначе. – Когда-то у крови не было запаха, а теперь есть. Это – запах человеческих отходов».

Он остановился перед дверью.

«Распахну её, а там, в луже крови, след тридцать девятого размера. И отпечатков детских, должно быть, полно… А, плевать! Дети? Почему бы и нет? Чем они хуже? Почему в них должно быть меньше зла, чем во взрослых?»

Рядом с дверью был шкаф. Лакированные дверцы. Руки сами потянулись к ручкам. Петли заскрипели… Внутри – Тьма! Целое море Тьмы! Бескрайнее, густое, как нефть. Маслянистые волны лениво вздымаются, угрожают вылиться наружу… Утробное рычанье разносится смрадным ветром. Над чёрными водами – белая тень. Уродливая, сияющая холодным светом, точно фосфоресцирующий скользкий гриб.

«Армия Тьмы уже топчет землю. – Тихий скрипяще-шипящий голос. – Время боли! Время страха! Яд в сердцах… Яд злобы. Яд безразличия! И все боги попраны. И каждый – сам себе бог! Чёрная кровь в гнилых венах… Армия Тьмы уже топчет землю. И нет никого, кто не шёл бы в её рядах!..».

Сердце застыло. Ярошенко протянул руку во Тьму. Пальцы вот-вот коснутся белого сгустка. Вот-вот… Рука коснулась. Схватила! Выдернула наружу… атласное белое платье. Точно пергамент плоти, на котором кто-то поставил кровью свою роспись.

Ярошенко со злостью захлопнул дверцы.

* * *

– Ну!? Сейчас дождь хлынет.

Славик накачивал переднее колесо.

– Кто ж знал!

– Слушай, у тебя было, будто в пустой комнате кто-то есть… Только попробуй заржать!

– Угу, – откликнулся водитель, не отрываясь от насоса. – Было… Серьёзно! У меня… в гараже… угол есть… Тёмный… Кажется… как будто там… кто-то… И дыханье… и взгляд… мурашки по коже. Будто… спрашивает… «Достоин ли?»… А чего?.. Не пойму!.. Премии что ли?..

Ярошенко достал платок и громко высморкался.

– О, Геннадий Палыч… Простыли!.. Осень… Погода… Осенью… человек всегда… болеет… Только не чувствует… Витаминов нет… и солнца… Организм слабеет… Депрессия… опять-таки… Фу-у-у… Всё! Садитесь!

Ярошенко залез в кабину. Славик сел за руль, повернул ключ. Мотор взревел. «Буханка» тронулась с места.

Чернильные облака всё набухали и набухали. И через пару мгновений на землю хлынул ливень, превращая дороги и тропы в вязкое месиво.

* * *

Циклы. Циклы правят миром. Дни сменяются ночами. Времена года идут друг за другом, как дети у праздничной ёлки: весна – лето – осень – зима – весна… Нет связей прочнее. Великий круговорот! Всё в мире подчинено ему: люди, цивилизации, планеты, миры… Всегда есть Лето и есть Осень. Нет смысла страдать – пройдёт Осень Злобы и Боли, пройдёт Зима Страха и Ненависти. Наступит Весна… Дай-то Бог!

Воронежская область

Ксения КОЛЫШЕВСКАЯ

Томагавк

Рассказ

Двухкомнатная квартира в хрущевке, в которой теснился Слава со своей большой семьей – двумя бабушками, младшим братом, отцом и матерью – была сжатой, как аккордеон в чехле. Две комнаты и кухня приплюснулись друг к другу и, когда отец курил на кухне, дым проникал сначала из кухни в одну комнату, а из нее в другую. Курил он часто и, бывало, не один, а с друзьями (или, как он их называл, корешами) – поэтому в квартире воздух никогда не был прозрачен, а обои пожелтели.

Домой после прогулки вошел Слава. В руке он держал стеклянную банку, в которой копошились черви.

На кухне за столом сидели отец с братом и ели суп. Бабушка мыла посуду. Все молчали, только бежала вода и вымытые тарелки стукались в сушилке.

Мальчик торопливо поставил банку в угол у двери и скинул потрепанные ботинки с глиняными блинами на подошвах; выглянул из прихожей, встретился взглядом с братом, нырнул обратно в полумрак у входной двери и застыл, напряженно прислушиваясь к стуку ложек – никто не шёл. Тогда Слава осторожно вытащил из кармана брюк что-то металлическое и быстро сунул это в щель между стеной и доской с крючками, которые чудом выдерживали тяжесть зимних курток всех членов семьи.

– Иди есть, – послышался суровый глухой голос отца, – ты чего там, – тон голоса повысился, загрохотал отодвигающийся стул, – сигареты прячешь?

Через секунду напротив входной двери стоял отец и смотрел в глаза Славе.

– Успел? – злобно спросил отец. Подошел к нему вплотную, нагнулся и принюхался. – Ну, живи пока. – И вернулся на кухню.

Слава сначала было пошел следом за отцом, но вовремя спохватился и при свете посмотрел на руки – они были грязные, все в земле. Он кинулся в ванную; после этого, уже успокоившись, вошел в кухню и сел. Его ждали щи. Слава аккуратно, боясь излишним стуком ложки снова привлечь внимание отца, стал обедать.

– Я не могу больше, – жалобно сказал вдруг брат, который сидел за столом напротив отца. – Я и так много съел.

– Доедай, – процедил отец.

Бабушка домыла посуду и вышла.

– Ну не могу я, – захныкал брат. – Не лезет.

Отец, не глядя, нащупал сзади чугунную сковороду, которая стояла всегда без надобности и от этого будто еще больше окаменела и отяжелела. Сковорода пролетела в сантиметре от головы мальчика и ударилась об стену, оставив после себя вмятину.

Слава ошарашено смотрел на брата – тот молча придвинул тарелку обратно к себе и бешено заработал ложкой, низко нагнув голову. Прибежала бабушка:

– Что такое? Что у вас тут грохочет?

– Все нормально, – ответил отец.

Бабушка постояла еще немного в проёме двери, хмуря брови с недоверием, и молча ушла.

Слава тихо спросил:

– Мама на сутках сегодня?

Словно выстрел, раздался звонок в дверь.

– На сутках, – буркнул отец и встал.

Когда он вышел, Слава приблизился к брату:

– Давай быстрее, это кореша! – Слава взял тарелки и наспех поставил их в раковину.

Мальчики торопливо выбежали из кухни. В прихожей слышались бесстыдно громкие голоса друзей отца. Слава стоял за стенкой дальней комнаты и ждал.

Дверь на кухню громко треснула – закрылась. Голоса приглушились.

Слава проскользнул к выходу, вытащил спрятанный ножик из щели и вышел из квартиры, которую не запирали, потому что там всегда кто-то был.

Через оживленное шоссе от их дома, на берегу озера был лодочный кооператив.

Слава прошел мимо покосившейся будки охранника с деревянным шлагбаумом. Охранника в будке не было – он сидел на самодельной скамейке около будки в белой майке и чёрных форменных штанах, щелкая семечки.

– Твой друг-то уже давно тут, – негромко заметил охранник при виде Славы.

Мальчик поздоровался на ходу и свернул к нужной дорожке.

Перед распахнутыми дверьми гаража лежал перемёт. Миша, друг Славы, копался на полках в глубине деревянного, с облупленной зеленой краской, сарайчика, заглядывая в каждую баночку и ящик – он что-то искал.

Слава подошел к порогу гаража:

– Что ищешь?

Миша вздрогнул:

– Ты чего пугаешь? Ключ ищу. Не помню, куда сунул.

Слава поставил банку с наживкой и облегченно сел на нагретую полуденным солнцем землю с редкой травой. Ему было тут спокойно.

– Ты чего расселся? – крикнул Миша из гаража. – Удочки принеси, вёсла, кошку, почему я вечно всё делаю? – Миша раздражался, потому что не мог найти ключ.

Слава принес из угла гаража удочки с кошкой, потом перенёс вёсла и снова сел. Что-то хотелось додумать.

– Нашел! – радостно крикнул Миша.

Дело шло к вечеру. Дневное солнце смягчилось и больше не пекло, духота рассеялась и оставила после себя тихий, притаившийся воздух. Озеро было гладкое, словно пол, на котором неподвижно стояли лодки.

Миша и Слава разложили на берегу рыболовные снасти, разделись до плавок и зашли в воду. Там, среди других лодок, которые были привязаны, словно собаки, их ждало хоть и старенькое, но верное корыто.

Лодка была привязана к двум кольям по разные стороны: Слава отвязал ее у одного кола, а Миша открыл замок у другого.

Загрузились и погребли.

Озеро было камышовое – маленькие островки зарослей были раскиданы по всей его глади и для рыболовов имели самые полезные свойства – там скрывались окунь и лещ. К одному из таких островков и направили свою лодку мальчики. Когда до зарослей оставалось несколько движений вёсел, Миша остановился: здесь нужно было закинуть перемёт.

– Давай своих червей.

Слава принялся открывать банку и поставил ее на дно лодки.

– Давай сначала его расправим…– и он указал на лежащий в ногах перемёт.

Миша кивнул, и мальчики взялись за разные концы лески, аккуратно оттягивая их в стороны.

– Слушай, а у тебя есть в гараже стамеска?

– Есть. А зачем тебе?

Леска была готова. Миша потянулся за червём.

– Я сегодня на берегу нашел секат, пока копал… – Слава ждал этого момента. Он достал из кармана ножик с широким остриём и деревянной, почерневшей от времени, ручкой.

У Миши заблестели глаза.

– А там еще такие были? Не видел?

– Не видел, но посмотреть можно.

Миша поджал губы и старательно стал насаживать червя на крючок.

– А стамеска-то зачем? – не унимался он.

Слава сунул нож снова в карман и взял червяка.

– Хочу сделать томагавк, как у индейцев – приделаю к основной ручке палку в отверстие.

– И что ты с ним делать будешь?

– Поеду с ним в Америку индейцев защищать.

Миша усмехнулся.

– Индейцев защищать? Да там защищать-то и некого. Они ж вымерли почти.

Слава посмотрел на извивающегося червя.

– А кому тогда, по-твоему, помощь нужна?

Миша насаживал червя на последний крючок.

– Тому, от кого польза будет. А от них какая польза? Они же дикари.

На всех четырёх крючках было по червю. Перемёт был готов. Слава и Миша, не сговариваясь, взяли его за концы, придерживая груз.

Лодка опасно накренилась. Слава отставил ногу, чтобы установить равновесие.

– А людей тебе не жалко?

– Индейцы уже не нужны. Они в прошлом веке застряли!

Кирпичи, один за другим, бухнулись в воду, перемёт пошел ко дну. В лодке замолчали – мальчики смотрели ему вслед, как будто вместе с наживкой и кирпичами на дно устремился предмет их разговора.

Слава осторожно сел в лодке и продолжил вглядываться в озеро.

Миша увидел, что обидел друга, но отказываться от своих слов он не стал просто потому, что не хотел уступить и показаться дураком без мнения. Однако, продолжать разговор ему не хотелось, так как индейцы и их проблемы не особо его интересовали. Мальчик решил отступить:

– Поплыли, а то туман еще ляжет…

Миша взял вёсла, а Слава не торопился. Он тоскливо смотрел на равнодушное озеро и чувствовал обиду на себя и на Мишу – на себя за то, что не смог доказать свою правду, а на Мишу – за его нежелание понять. Но больше Слава злился всё-таки на себя.

Дверь в квартиру была по-прежнему не заперта. Мальчик тихо проник в коридор.

Слышался приглушенный кухонной дверью недобрый смех и гул разговора. Посиделки отца были в самом разгаре. Низкие голоса звучали так, как будто кто-то хаотично-грубо тыкал по клавишам пианино – резко и неприятно.

Слава спрятал томагавк в укрытие за доской с вешалками, скинул ботинки и пробежал в дальнюю комнату.

Брат сидел у окна, подпирая подбородок руками, сложенными на подоконнике. На кровати сидела бабушка в очках без одной дужки и, слегка отставив руку с книгой «Последний из Могикан», читала внуку вслух.

– «…Ункас шел впереди, дойдя до центра равнины, он испустил крик, на который сбежались все его товарищи… – Брови бабушки ползли вверх, тон голоса показывал, что ее несколько удивляет и поражает написанное – будто под обложкой книги неожиданно оказались пошлые анекдоты. – Молодой индеец остановился у группы мертвых женских тел, лежавших беспорядочной грудой…» – Бабушка подняла глаза от книги на Славу. – Ужас какой! Кошмар. Кто вас научил это читать?

Слава расстроился непониманию еще и бабушки, но вступать с ней в спор не решился. Он молчал и пытался собрать в голове правильный ответ, но брат его избавил от этого:

– Бабушка, ну что там дальше? Читай, пожалуйста…

Бабушка снова вгляделась в книгу. Слава сел на стул в углу комнаты и решил тоже немного послушать.

Раздался удар двери и гул вылился внутрь, заполнил все комнаты, как дым.

– Слава-а! – загрохотал отец. – Иди сюда!

Слава молча встал и послушно пошел к отцу.

Отец заполнил собой весь проем кухонной двери:

– Сходи к бабе Вале, возьми у неё спирта… – Его глаза были широко открыты и не моргали, словно стеклянные глаза игрушки. Он смотрел сквозь Славу и говорил отрывисто, злобно, пытаясь поймать и удержать нужную мысль среди других, которые прыгали у него в голове: чефир завёл их, как двигатели. – Литра два. – Отец сильно сжимал косяк двери обеими руками. Казалось, что узость проёма раздражала его. – Деньги завтра отдам.

– Хорошо, – сказал сын.

Отец резко, как зверь, повернулся к гостям и вошел обратно в кухню.

Слава взялся за ручку входной двери и замер, размышляя. Шагнув назад, он старался меньше шевелиться и, не поворачиваясь, вытянул руку к доске. Осторожно присев на корточки, Слава нащупал томагавк и потянул его к себе.

Резкая боль в руке парализовала мальчика – он хотел закричать от боли, но смог только открыть рот и зажмурить глаза.

– Убить отца решил? – прозвучал за спиной дребезжащий голос отца. Он крепко сжал запястье сына и на его трясущемся кулаке выступили вены. Одна его рука высвободила секат из ладони Славы, другая одним движением подняла мальчика за грудки и прижала к стене.

– Нет, папа, ты что… – сказал Слава тихим, обессиленным голосом, вторую часть фразы произнеся одними губами. Он поднял глаза.

Сморщенное от гнева лицо нависло над мальчиком и было будто отдельно от тела, как маска. Слабый свет лампочки, висевшей прямо над головой отца, падал на рот, который кривился и ёрзал по лицу, неестественно изгибаясь. Глаза были в тени и блестели неживым стеклянным блеском.

– Откуда? – отец говорил невнятно, будто слова, оттого, что перемешались со злостью, потеряли свою отточенность: он издавал горловые страшные звуки, похожие на рычание.

Слава опустил голову. В руке отца был секат.

– Нашел…Я хотел сделать томагавк…

– Прятал зачем, гаденыш? – отец подчеркивал каждый согласный звук, будто вот-вот сорвется на рычание.

Отец приподнял секатом лицо мальчика.

– Не знаю, – Слава всхлипнул.

– Эй, Сёмыч! – вдруг позвали отца из кухни. – Ты чего там пропал?

В коридоре возникла темная фигура.

– Ты что делаешь?

Отец не убрал секат от горла сына.

– Убить меня хотел. Я такое наказываю.

– Давай он сначала к Вале сходит, потом решим, что делать.

Отцу показался этот довод убедительным. Он отпустил сына:

– Живи пока. – И, резко повернувшись к двери, запустил нож, который глубоко вонзился в дерево.

Мальчик продолжал стоять: он боялся пошевельнуться и напомнить тем самым о себе отцу еще раз. Когда тот ушел, Слава подошел к ножу, вытащил его из двери и вышел из квартиры.

Облака к вечеру соткались в одну белую материю. Свет приглушился, словно кто-то накинул на солнце ткань, как на торшер.

Слава шёл по берегу, крепко держа в руке секат. Иногда мальчик приостанавливался, тыкал носом ботинка песок и оценивал место, чтобы зарыть томагавк, но что-то не нравилось ему, и он двигался дальше.

Вдруг он замер и стал прислушиваться, прищурив глаза. Откуда-то доносился слабый писк. Слава огляделся – на берегу никого не было. Он посмотрел на прибрежные заросли камышей и решил осторожно приблизиться к ним.

Писк усилился – несомненно, его источник находился в камышах.

Слава скинул ботинки, закатал штаны и двумя руками развел заросли, но никого не увидел. Тогда мальчик вошел в камыши, присел на корточки и стал раздвигать камыши, как плотные занавески.

В старой скомканной рыболовной сетке была чайка. Она беспомощно билась и запутывалась всё больше, крылья уже не могли раскрываться и только подрагивали, как у умирающей бабочки.

Слава осторожно взял чайку. Ее клюв был свободен и немедленно принялся клевать мальчика в ребро ладони. Слава пытался ослабить путы, но те успели слишком плотно обвиться вокруг бедной чайки.

Мальчик аккуратно положил чайку и достал секат.

Слава любил отца. Он никогда никому не рассказывал, что происходит у него дома, потому что ему не хотелось, чтобы кто-то посчитал, что его отец – зверь без души. Он знал, что она у него есть, но не мог объяснить и доказать это, поэтому предпочитал молчать. В школе все знали, что его отец сидел в тюрьме, но никто никогда не говорил об этом – ребята любили Славу. Как-то раз, когда учительница задала сочинение «С кем бы вы хотели дружить», весь класс написал, что со Славой. Может, и не весь конечно, но учительница сказала именно так.

Слава краснел от напряжения, на лице его проступили капли пота. Он резался об острые края сетки и не останавливался.

Сеть была почти разрезана. Слава не знал, как лучше взять птицу, которая отчаянно клевалась, и он одной рукой слегка прижал ее у головы, чтобы та не двигалась.

Дрожащей рукой мальчик просунул нож под сетку между чайкой и начал разрезать оковы.

Слава сжимал губы, и глаза его почти плакали, он боялся сделать неловкое движение.

Как-то раз они с братом вышли вечером к озеру и стали лазать по заброшенным лодкам в поисках чего-нибудь интересного. В одной из них Слава нашел огромный нож с костяной ручкой, похожий на кинжал. Их радости с братом не было предела – нож был принесен домой и по привычке запрятан. В тот раз местом послужила выемка под ванной. Отец, конечно, нашел кинжал, но строго сказал сыновьям, что находку он изымает – слишком малы они для нее. А потом отец пропал на пять лет – сел. После драки в одном злачном месте города у него случайно нашли в кармане запрятанный нож с костяной ручкой.

Отец вернулся с покалеченной душой. Что-то постоянно будто болело у него, он всегда был в напряжении, всегда злился. Он принял на себя роль «плохого», впустил в свою жизнь корешей, чтобы стать частью выбранного мира, который он считал единственно возможным для себя. Но в этом мире, где пьют чефир и живут кореша, были «нездешние» – его дети. Они были болезненным напоминанием о любви, которую запретил себе отец Славы и от которой он пытался отгородиться.

Слава всегда прощал отца.

Сетка разрезалась. Мальчик отложил секат и снова попробовал освободить чайку руками.

Птица клевалась. Руки Славы были все исцарапаны и измазаны кровью.

Как только сетка полностью отделилась от намучившейся птицы, её крылья заработали, словно смазанный мотор, и она, покрикивая, взмыла в небо.

Слава обессиленно продолжил сидеть в зарослях и собирался с мыслями. Он посмотрел на свои руки, взял остатки сетки, вышел из камышей и начал копать яму в песке. Когда образовалось выемка в середину локтя, мальчик уложил туда сначала остатки сетки, а затем – секат, забросал землёй, встал и подошел к озеру. Оно уже не казалось ему таким равнодушным.

Слава отмыл от крови руки в озере и пошёл домой.

Санкт-Петербург